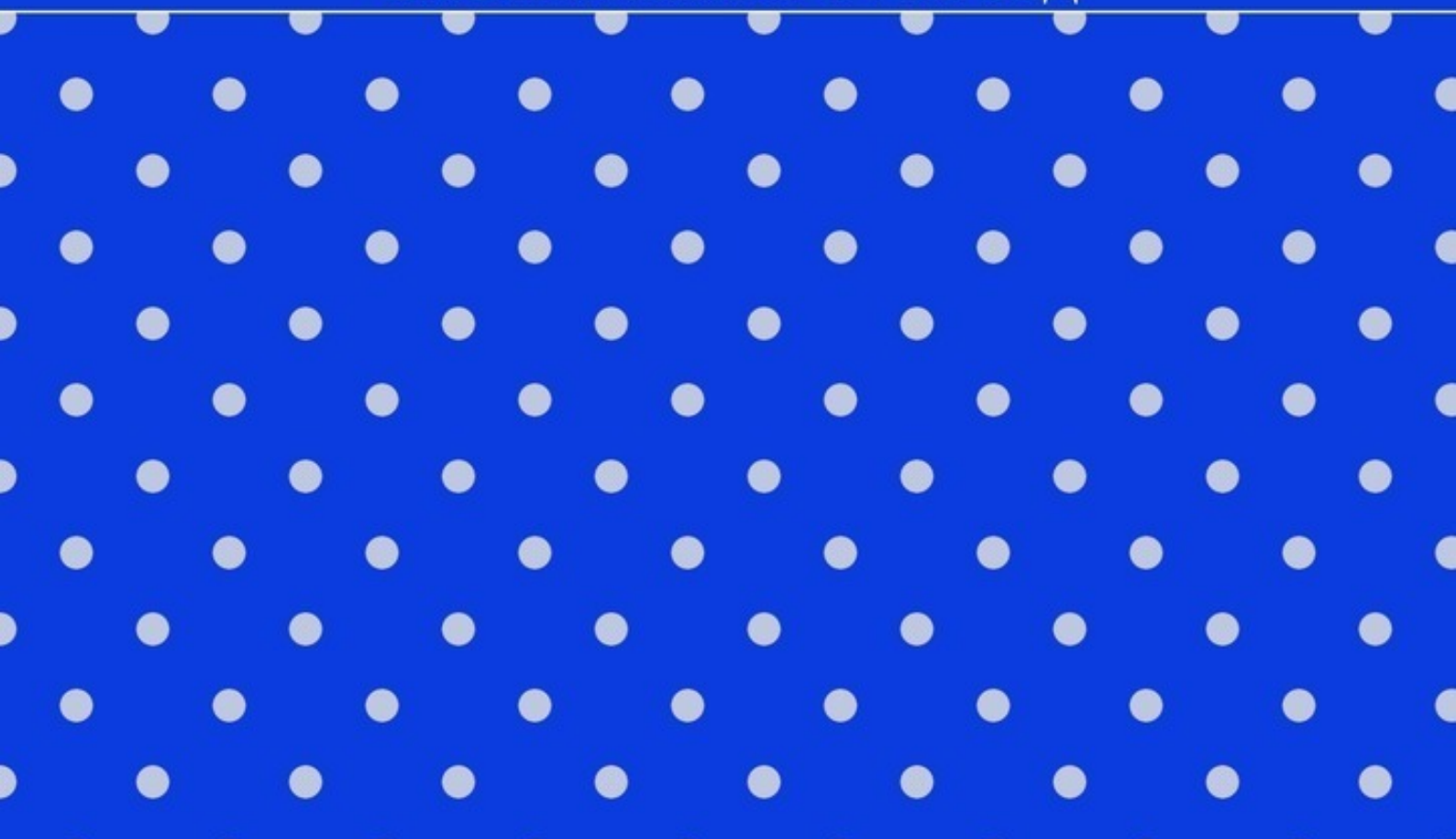


Андрей Портнягин-Омич

КОЛОДЕЦ ВРЕМЕНИ

Совершенно ненаучно-фантастическая
история про путешествие Толика
Смешнягина в 1980 год



Андрей Портнягин-Омич

**Колодец времени. Совершенно
ненаучно-фантастическая
история про путешествие
Толика Смешнягина в 1980 год**

«Издательские решения»

Портнягин-Омич А.

Колодец времени. Совершенно ненаучно-фантастическая история про путешествие Толика Смешнягина в 1980 год / А. Портнягин-Омич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856751-3

Об утерянном, казалось-бы, навсегда. Но если верить во что-то очень и очень сильно, то вера твоя способна совершить чудо! И перенести в прошлое или будущее. Где ещё живые родители. Где выше чести самурая только смерть!

ISBN 978-5-44-856751-3

© Портнягин-Омич А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. В которой читатель знакомится с Толиком Смешнягиным и где Толик попадает в ситуацию, из которой есть только один выход	6
ГЛАВА 2. В которой у Толика чуть не поехала крыша и он не смог выйти на связь	8
ГЛАВА 3. В которой окружающие узнают тайну чёрного пакета	10
ГЛАВА 4. В которой Толик получает 20 копеек, а пассажиры автобуса впервые знакомятся с голосом Григория Лепса	14
ГЛАВА 5. В которой Зинаида захочет попросить совета у мамы	18
ГЛАВА 6. В которой человек впервые встречает великанского гнома	20
ГЛАВА 7. В которой Толик за копейку отдает рубль и понимает, что нужен какой-то план	23
ГЛАВА 8. В которой самураи летают с косами наперевес	27
ГЛАВА 9. В которой не только погоня, но и пространственно-временной парадокс	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

**Колодец времени
Совершенно ненаучно-фантастическая
история про путешествие
Толика Смешнягина в 1980 год**

Андрей Портнягин-Омич

Моим родителям посвящается

© Андрей Портнягин-Омич, 2017

ISBN 978-5-4485-6751-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. В которой читатель знакомится с Толиком Смешнягиным и где Толик попадает в ситуацию, из которой есть только один выход

Было раннее утро 30 июня 2016 года.

Обычное утро, обычного рабочего дня.

Анатолий Андреевич Смешнягин нехотя собирался на работу. Вернее, на две работы.

Кто-то скажет: «Повезло человеку... на двух работах работает... значит здоровье позоляет!..» – И будет прав. Другой усмехнётся: «У верблюда тоже два горба... Очень удобно на нём ездить!..» – И тоже будет прав... А Анатолий Андреевич, да ещё и утром, ни о чём подобном не думал. Он ещё не до конца проснулся, хотя и выпил уже две чашки кофе.

В свои 53 года, Анатолий Андреевич, он-же Толя, он-же Толик, он-же Толян, чувствовал себя моложе, сам себе своих лет никак не давал и всякий раз кокетливо краснел, когда его уверяли, что ему: «Ну никак не может быть столько!..» – И, что ему:... не больше 52 лет!.. И точка!..»

Толик опускал глаза и загадочно улыбался одними губами, боясь открыть рот. Всё-таки верхнего переднего зуба не хватало.

Стараясь не будить свою молодую красавицу жену, сладко похрапывающую в свой законный выходной, Толик сложил в пакет ещё с вечера приготовленные контейнеры с едой на три дня, проверил наличие планшета, портативного телевизора, телефона, денег, записки, ключей и документов, помялся на пороге на всякий случай, вдруг любимая проснётся и выйдет проводить в дальний путь, не дождался, и так и пошёл – без поцелуя, без сменных носок, в футболке с надписью «Сделано в СССР», надетой на левую сторону.

При своём весе в девяносто с лишним килограммов, Толик был человеком тонкой душевной организации, натурой чувствительной и восприимчивой. Он чувствовал, что сегодня с ним должно произойти что-то обязательно хорошее, помимо зарплаты. Это чувство исходило отовсюду – от ласкового июньского солнышка, щекотавшего его по начинающей с пятнадцати лет лысеть голове, от изумрудно-зелёной травинки, пробивающейся сквозь треснувший асфальт, положенный не далее как в прошлом году, от милого пёсика, радостно удобряющего клумбу под окнами, от птичек, невысоко в небе выделяющих фигуры высшего пилотажа и посылающих на землю вполне себе конкретные «приветы», от открытого люка канализационного колодца...

Засмотревшись на ворон и радостно шагнув в неизвестность, матерясь и размахивая всеми конечностями, Толик всё-же не выпустил из рук пакета с едой.

Свет в конце тоннеля был реальным и режущим глаз. «Дорога на Рай!.. – Решил Толик: ...Вот-бы въехать-то на белом единороге!..». Но, ни белого, ни какого другого единорога под ним не оказалось.

Внезапно свет начал меркнуть и громовой раскатистый голос протрубил:

– Эге-гей-эй... Ты живой-вой-вой?..

– Господи!.. Я на том свете?..

– Ты в колодце... Встать сможешь?..

– Прости... Господи!.. Да как-же-ж я встану?.. – Толик подёргался, но что-то держало его сумку снизу: Не могу... Господи... кто-то держит меня за сумку...

– Я тебе помогу... Сперва... без паники... отцепи сумку от лестницы... И перестань называть меня «Господи»...могут услышать... Сантехник я местный... Петрович...

Толик никак не мог разглядеть лица Господи-Петровича. На фоне яркого Райского света оно представляло собой тёмное бесформенное пятно. Правда, с нимбом вокруг.

Из темноты появилась длань.

Она увеличивалась в размерах и, наконец достигла Толикова носа. Поддержалась за него, провела по щеке и опустилась к горлу.

– Господи-Петрович... какие у тебя... мозолистые руки!.. – Вдруг рука уцепилась за ворот и потянула вверх. Толик с трудом оторвал от земли свою пятую точку, весившую треть всей туши и, с Божьей помощью, встал на ноги. Теперь, когда тело приняло естественное положение, тоннель превратился в обыкновенный колодец, райский свет, в отверстие люка, а Господи-Петрович, в невысокого мужичка-сантехника.

Петрович помог Толику выбраться на повехность, как-то странно поглядывая на него.

ГЛАВА 2. В которой у Толика чуть не поехала крыша и он не смог выйти на связь

– Ты откуда взялся-то?.. Я только крышечку-то отодвинул... ты как с неба свалился... Прямо в люк... Я даже не видел... как ты подошёл...

Толик не стал рассказывать, что он пересчитывал ворон.

– Ты головою-то не шибко ударился?.. А... то... может... в больницу?..

– Да ну... Что с головой будет-то?.. Кость!.. – Толик постучал себя кулаком по лбу: Ничего с ней не будет...

Но с головой происходило что-то странное. Голова видела вещи совершенно невообразимые. На месте нового, современного микрорайона с многоэтажными домами, детскими садами, магазинчиками, гипермаркетом, автомобильной развязкой и автомойками, на сколько хватало взгляда, зиял своей первозданной непаханной красотой, пустырь!.. Дом, милый дом, из которого Толик вышел буквально несколько минут назад и за ипотеку в котором платить ещё и платить семь с лишним лет, бесследно исчез!..

Увиденное так поразило, что он начал нечленораздельно мычать:

– М-м-а-а-э-э... где-э-дом?!.. – Толик протянул руку, указывая на заросли камыша: Тут-же только-что был дом!.. И тут... И тут... Тоже...

Петрович на всякий случай поднял монтировку и ненавязчиво почесал ею у себя за ухом:

– Нету тут никаких домов... Болото тут... – В подтверждение его слов, невдалеке квакнула лягушка.

– А дом где?.. – С надеждой в голосе спросил Толик.

– Ближайший?.. 17 номер... Во-он... за тем леском... Видишь крышу?.. – Вдалеке виднелась серая девятиэтажка, а за ней начинался жилой микрорайон.

Девятиэтажка была смутно знакомой, он её точно где-то видел.

«Где же я мог её видеть?.. Не на открытке-же!.. Так это-ж тёщин дом!..» – У Толика как-то сразу стало легче на душе. А Петрович продолжал недоверчиво поглядывать на Толика, на всякий случай не выпуская монтировку из цепких рук.

«Хотя на психа он не очень похож... И одет прилично... джинсы импортные... футболка не грязная... сумочка через плечо и умопомрачительный чёрный пакет... голубая мечта жены... Нет... на психа не похож... Но и на рабочего человека... на пролетария... тоже!.. Толи дело... Я!..» – Действительно, Петрович был потомственным сантехником, чем очень гордился и одевался соответственно. Кирзовые сапоги, никогда не мытые и не чищенные, серая роба с несмываемыми масляными пятнами на коленях и полупопицах, до неузнаваемости выцветшая футболка, к тому-же растянувшаяся на три размера на вырост и на голове сатиновая кепка, которую он никогда не снимал, как Боярский, шляпу.

А Толика распирало от любопытства. Он и про работу забыл. Какая может быть работа, если он не понимал, где находится и как здесь очутился?.. И, вообще, не сон-ли это?..

«Так то-ж... сон!.. – Толик хлопнул себя по лбу: Сейчас прозвенит будильник и я проснусь!..»

От удара по лбу яснее не стало и сон не прошёл. Но в кармане, действительно зазвонил будильник в мобильном телефоне, так как Толик обещал разбудить жену, как только приедет на работу.

Толик достал белый смартфон с золотистым ободком, посмотрел на время, отключил будильник и стал набирать любимую. Попытался с одной СИМ-ки, нет связи, с другой, та-же песня.

– Что-то не ловит... – Толик состроил недовольную рожу и хотел уже-было пожаловаться на плохую связь Петровичу, но не узнал его, так сердешного перекосило. От страха, в одну сторону, от шпиономанского зуда, в другую.

«Поймать шпиона!», заветная мечта любого советского пионера! А Петрович давно уже не был пионером, он был почти пенсионером. Но пионерский задор никуда не делся, а шанс поймать шпиона у советского предпенсионера выпадает не часто.

«Похоже... мне выпал счастливый билет!.. Наконец-то повезло!.. Вот-бы голыми руками взять... Живьем!!! Жаль... в нём под сто килограммов живого веса... а во мне... шестьдесят в керзовых сапогах... Да и приемчикам... наверняка обучен...» – Петрович был мужик жилистый, крепкий, но... трусливый и Толик по его лицу понял, что диалога скорее всего не получится. Но, на всякий случай, показывая на смартфон, обрадовал Петровича сообщением:

– Нет связи!..

«Точно!.. На связь пытается выйти... С заграницей ихней... Не-ет... брать его нельзя... а то спугну... А... если незаметно проследить... то и всю сеть можно разом накрыть... Надо только действовать осторожно...»

– А вы сами-то откуда прибыли?.. Из какой страны?..

Толик хотел сказать: «Да... с Дуриловых Островов!..» – Но почему-то выпалил:

– Да... здесь я живу!.. На Заозерной... Дом 21... Вот тут... только-что... стоял...

– А сейчас... куда?.. – С надеждой поинтересовался Петрович, мечтая там их всех и накрыть.

– Да... вон туда... к теще... В 17... Может чего узнаю... А то чертовщина какая-то... – Толик протянул спасателю, принятому им сперва за самого Господа, благодарную руку, даже хотел обнять, но сантехник демонстративно стал сбивать с сапога монтировкой вековую грязь, тонко намекая, что он занят.

ГЛАВА 3. В которой окружающие узнают тайну чёрного пакета

Толик вошёл во двор дома номер 17, нашёл нужный подъезд и уже хотел-было набрать номер квартиры на домофоне, но палец повис в воздухе, не находя себе применения. Домофон отсутствовал.

Это слегка озадачило: «И как теперь попасть в подъезд?..»

Но на любой вопрос всегда найдётся адекватный ответ, дверь просто отворилась и на улицу выскочила рыжая с косичками девочка, в красивом голубом платье, как две капли воды похожая на свой портрет, висевший у Толика с женой в квартире на самом видном месте.

– Зинка!.. – Обрадовался Толик.

Родители учили девочку не разговаривать с незнакомыми дядьками. Но!.. Во-первых, он знал её имя, а значит, был как-бы знакомым, а разговаривать со знакомыми было можно. Во-вторых, обострённое до предела природное любопытство распирало её познакомиться с человеком, у которого такой шикарный чёрный пакет!

– Вы... к нам?.. – Как-то определила Зинка.

– Зинка... да я твой... му... – Язык уже полетел выпалить: «Муж!..» – Но споткнулся на середине слова из трех букв. «Какой муж?!.. Ей ещё... наверное лет десять!.. Рано ещё в жены в этом возрасте...»

– Му?.. Это кто?..

– Родственник из Чебоксар... ров... – С трудом сориентировался Толик, вспомнив про Зинкину бабушку. Единственное, забыл, как правильно бдет, «Чебоксар» или «Чебоксаров», но решил выбрать второй вариант.

– А-а... так вы... дядя Витя из Чебоксаров!..

Почему именно дядя Витя, Толик понять был не в силах, но это была хоть какая-то надежда что-либо выяснить.

– Д-дядя В-витя... Он самый...

Ну, теперь Зинку было не остановить с вопросами, а Толику можно было врать что угодно, он всё-равно никогда в Чебоксарах не был, как и Зинка.

В процессе допроса Зинка всё время пыталась засунуть голову в пакет, в надежде на подарок и, всё-таки не выдержала.

– А... что в пакете?..

В пакете была еда и Толик вспомнил, что положил туда два банана. Он достал их и вручил Зинке. Зинка ещё никогда раньше не то-что не ела бананов, а даже не видела их! Апельсины, мандарины, да. Но, бананы!.. Первый раз в жизни! Она не знала даже, что с ними делать, но глаза сверкали от счастья! Это было именно то, что она и мечтала увидеть в чёрном пакете. Чудо!.. Не важно какое, главное, из пакета и ей!..

Толик усмехнулся: «А она совсем не изменилась с тех пор!..»

– Гражданин... предъявите ваши документы... пожалуйста... – Сурового вида молодой сержант милиции козырнул Толику, наглым образом оборвав полёт его сентиментальных воспоминаний. За спиной сержанта, делая вид, что случайно прогуливается, маячил сантехник Петрович, всё-ещё вооруженный монтировкой.

– Это... дядя Витя из Чебоксаров... – Решительно вышла вперед Зинка, пряча бананы за спиной: Он только-что приехал...

– Откуда?.. – Спросил сержант у Толика.

– Из Чебоксаров... – Ответила Зинка.

– Когда и на чём приехали?.. – Снова вопрос к Толику.

– Сегодня утром... на поезде... Дядя Витя... мамин брат... Они живут с бабушкой Лизой и женой... тётей Галей... а ещё с ними живет другая мамина сестра... тётя Нина... У тёти Нины детей нет... а у дяди Вити с тётей Галей... тоже пока нет... А я ещё ни разу не была в Чебоксарах... но мама обещала... что мы поедем туда когда-нибудь... А когда мы поедем туда когда-нибудь... я буду жить у бабушки Лизы с тётей Ниной и тётей Галей и мы пойдём в гости к...

Сержант взял Зинку за плечи, немного приподнял и аккуратно, как китайскую вазу династии Цзынь, переставил себе за спину. Потом снова обратился к Толику:

– А где ваши вещи?..

Стало тихо до рези в ушах.

– Вещи?.. А-а-в-в... – Толик с трудом вспоминал, где ещё могут быть вещи.

– В камере хранения дядя Витя оставил свои вещи... – Зинка выглянула из-за спины сержанта, пытаясь вернуться на прежнее место. Тот не пускал, загораживая Толика от неё своей спиной.

Но он не знал Зинку!

Она не стала протискиваться сквозь спину сержанта, а оббежала его и выскочила из-за спины Толика на прежнее место, между двумя говорящими. Она опять была в центре внимания.

– А... что у вас в пакете?..

Зинка достала из-за спины бананы и показала их сержанту. У сержанта тоже заблестели глаза.

Чёрный пакет уже сам по себе был подарком ценным, но, если в нём были ещё и бананы, то... да-а!.. Живут-же люди в Чебоксарах!

Толик полез в пакет и все замерли, протянув шеи.

– Да... еда там... Чтобы... это... в поезде не покупать... – И он извлёк из пакета пару контейнеров с едой.

Пластмассовые, правильной прямоугольной формы, с герметичными крышками, контейнеры мало походили на стеклянные банки, в которых сержант носил еду на службу. Те, сталкиваясь в сетке, бренчали, иногда разбивались и он тогда вообще оставался без обеда или ужина. К тому-же, в контейнерах, которые дядя Витя из Чебоксаров предъявил в виде алиби, еда была разнообразной, на вид, офигенная и аппетитная: в одном были перцы, явно фаршированные мясом и, поди ещё и грибами, с картофельным гарниром, в другом, куриная нога невероятных размеров, занимавшая весь объем контейнера. Нога могла принадлежать только курице-гиганту, чудовищу, мутанту, каких ни сержанту, ни Петровичу, ни даже Зинке, видеть ещё не приходилось!

Последняя курица, которую сержанту как-то, ещё зимой, на Новый Год, готовила жена, была целиком меньше этой ноги, синего цвета, состоявшая из одних костей и жил без мяса, и называлась «Цыпленок-бройлер не потрошённый. 2 сорт.»

– Ой... дядя Витя... а можно я и курочку съем?.. – Ответ Зинку в принципе не интересовал, есть ногу она начала ещё спрашивая. Толику оставалось только кивать, а сержанту глотать слюни.

В разговор решил вмешаться Петрович, который не понимал, как можно говорить о какой-то еде, когда речь идёт о поимке иностранного шпиона. Видя, что сержант захлёбывается слюной и не в состоянии допрашивать подозреваемого, Петрович выскочил из-за спины сержанта и выпалил, пытаясь одним выстрелом пригвоздить шпиона к стенке:

– А... что вы искали на пустыре и с кем пытались связаться по рации?..

Толик уже успокоился, понял, как надо себя вести и сделал вид, что только-что заметил своего спасителя:

– О... Петрович... привет!.. Ты как тут оказался?..

Тот ничуть не смутился и потыкал сержанта в спину монтировкой, продолжая настаивать:

– Вы спросите... спросите его...

Сержант с трудом возвращался в реальность.

Нога таяла на глазах! Сочное нежное мясо исчезало, оставляя напрочь обглоданные кости и следы мясного сока, стекавшие по рукам до самых Зинкиных локтей. Зинка облизала пальцы, рывнула и вернула пустой контейнер Толику. Сержант разочарованно выдохнул. Он не надеялся, что всё так быстро закончится.

– Да-а... А что вы там делали на пустыре?.. Что ели... то-есть... искали?..

– Туалет... – Ответ был настолько очевиден, что сержант даже сразу и не понял и переспросил.

– Что искали?..

– В туалет захотел...

– Вот оно что!.. А в колодце что забыли?..

– Упал... Не заметил в траве...

Сержант повернул голову к Петровичу. Но тот не унимался:

– Про рацию... про рацию спроси... В кармане она у него...

Сержант перевёл взгляд на Толика, заодно переадресуя вопрос Петровича непосредственно на него. Толик перехватил взгляд и вернул его в разговорную плоскость:

– Сержант... вы в армии служили?..

– Конечно... служил!.. – Не служили в Советском Союзе только студенты ВУЗов с военной кафедрой, инвалиды и приравненные к ним дети партийных и советских руководителей.

– Видели рацию?..

Сержант не совсем понимал, куда клонит этот дядя Витя из Чебоксаров, поэтому ответил уклончиво:

– Ну-у... видел...

– Помните... сколько она весит?..

– Ну-у... приблизительно...

– Да... что там приблизительно... это-же не военная тайна... да... Петрович?!.. – Петрович при словах «Военная тайна», стал озираться по сторонам: Шестнадцать кило она весит!.. Штаны порвутся... если в карман засунуть!..

Толик достал телефон, повертел его, как шулер колоду карт, чтобы все видели и нажал на кнопку «ОК». Экран загорелся и на нём, как и на любом сотовом телефоне, высветилось время.

– Часы!.. С будильником!.. – Не моргнув глазом, соврал Толик.

– А-а... вона чё... – Все разочарованно выдохнули. Каждый в душе надеялся, что что-нибудь произойдёт необычное!

Петрович, что из телефона зазвучит азбука Морзе и можно будет, не отходя от милиционера, захватить шпиона. Сержант жалел, что часы только с будильником, но без кукушки. Это было-бы так прикольно, если бы из маленьких таких часиков высывалась малюсенькая кукушечка, и каждые пол часа куковала!.. А Зинка разочаровалась в часах из-за их красивого золотого ободка. Просто, если-бы они были без золотого ободка, их можно было попытаться выклянчить каким-нибудь шантажом, а с золотым ободком никто их Зинке не отдаст!..

Придаться к дяде Вите из Чебоксаров было больше не к чему.

Сержант нехотя козырнул и, опустив голову, побрёл со двора.

Петрович плёлся за ним следом, постоянно оглядываясь, словно пытаясь запечатлеть в душе этот трагический момент.

А Толик просто стоял и смотрел им во след...

И, на всякий случай, боясь пошевелинуться, что-бы не нарушить гармонию ихнего ухода.

Просто стоял и обливался потом!..

ГЛАВА 4. В которой Толик получает 20 копеек, а пассажиры автобуса впервые знакомятся с голосом Григория Лепса

Нужно было на что-то решаться, нельзя-же стоять вот-так целый день!

Толик уже понял, что каким-то непостижимым образом оказался в прошлом и теперь, что-бы не сойти с ума от этого факта, необходимо было занять голову практическими вопросами – в какой год попал, где взять деньги и документы той эпохи и, что делать дальше, зная наверняка, что произойдёт в целом со страной и миром, а, так-же с ним конкретно, в любой из последующих дней.

– Зин... а ты в каком классе учишься?.. – Зная год рождения будущей жены и количество классов, можно было попытаться вычислить год, так сказать, приземления.

– А я не учусь... – Вся логическая цепочка сразу-же рухнула.

– Как это?!.. – Не учиться она не могла, так-как детский труд при Социализме официально был запрещён.

– Так... каникулы-же!..

В свои 53 года, Толик уже начал забывать, что и у него когда-то были летом каникулы. Как у Банифация!.. Последний раз летом он отдыхал в школе, ну, может ещё и в институте.

– Ну... а сколько закончила?.. Ты ведь хорошо учишься... наверное?.. – О том, что неправильно поставил вопрос, Толик понял сразу-же.

– Я-то?!.. Хорошо!.. Потому что мама обещала... если я буду хорошо учиться... то она принесёт мне с работы новое платье... каких ни у кого-ниукогoshеньки нет в городе!.. А ещё... папа обещал... что покатает меня на тракторе... на котором работает экскаваторщиком... – Зинку трудно было остановить или сбить с темпа, а дышалки, как он знал, у неё хватит на несколько часов! Не зря он называл её периодически Болтушкиной Зиной!.. В будущем он останавливал её только поцелуем или котлетой, но здесь поцелуй не прокатит. Не так поймёт!

– Зин... ты кушай... кушай банан-то...

Но она, конечно не могла честно признаться, что никогда их ещё не ела и не знает с какой стороны к ним приступить – сверху или снизу?.. И, тем-более, она надеялась сохранить их на весь день. Во-первых, можно хвастаться во дворе, да и в соседних тоже и, как минимум на один день быть в центре внимания, а там, глядишь и папа на тракторе прокатит, чтобы все мальчишки сдохли от зависти!.. А во-вторых, в чёрном пакете ещё что-то было!.. И, начав есть бананы сейчас, она могла упустить ещё что-то более вкусное. Может быть даже вторую куринную ногу!.. Ведь у курицы должно быть две ноги!..

– А после каникул в какой класс пойдёшь?.. – Не унимался Толик.

Но Зинка думала о своём и проигнорировала вопрос.

Толик поймал себя на мысли, что любит её. Ведь в сущности, она ни сколько не изменилась со временем, стала чуть-чуть старше, чуть-чуть выше, чуть-чуть толще... Перед ним была маленькая копия его будущей жены! Такая-же красивая, такая-же болтливая, такая-же обожающая всеобщее внимание и одобрение всех своих поступков и «покупок»!.. При этом, очень добрая и ласковая... Толик чуть-было не пустил скупую мужскую слезу, но вовремя взял себя в руки:

– Зин... пакет я оставляю у вас... Мне нужно ещё кое-куда съездить... Если к вечеру не вернусь... значит я уехал в Чебоксары... По очень важным делам!.. Тогда... передавай привет мама и папе... Да!.. Можешь взять из пакета всё... что захочешь!.. Он твой!..

Зинка не верила своим ушам. Не верила и своим глазам, даже когда Толик протянул пакет ей в руки. Не верила до последнего!.. И лишь, когда он попросил у неё пять копеек на проезд,

она схватила пакет, сказала: «Щас!..» – И рванула в подъезд, волоча прилично тяжёлый пакет за собой...

«Да за такой пакетище... никаких пять копеек не жалко!.. Да хоть... двадцать копеек не жалко!..» – Думала Зинка, зная, что мама оставила ей 20 копеек на мороженное. Хорошая, умная девочка, всё в дом, всё в семью!.. «А мороженное купить я всегда успею!.. Завтра мама снова даст 20 копеек!..»

А вот то, что «Дядя Витя», собираясь ехать в Чебоксары, билет куда стоил рублей 20—25, при этом просил пять копеек на проезд, она даже не сообразила.

Когда Толик стал счастливым обладателем 20 копеек, он должен был решить, куда ехать с такими деньжищами?

Этих денег могло хватить на четыре поездки в автобусе, на пять поездок в троллейбусе и на шесть поездок, со сдачей в 2 копейки, в трамвае. Выбор пал на автобус, потому что троллейбусы по Заозерной не ходили в принципе, трамваи не ехали туда, куда надумал Толик, а поездка на автобусе через весь город представлялась идеальным вариантом. За время пути, практически от конечной до конечной, можно было посмотреть обстановку в городе, собрать в кучку мысли, которые просто лезли из головы в разные стороны, стремясь сбежать от закипающего от перемен мозга и набросать, хоть приблизительный план действий.

Прожив уже довольно длинную жизнь, много чего повидав, очень многих потеряв, чем старше становясь, тем сильнее, ему хотелось вернуться в детство!..

Где тебя любят не за что-то, а просто за то, что ты есть!..

Где по утрам пахло жареными беляшами и ещё живые родители, вставшие ни свет ни заря на работу, о чём-то тихо, чтобы не разбудить нас с братом, переговариваются на кухне. А я уже проснулся и всё слышу, но так неохота вылезать из-под тёплого одеяла.

Где друзья, с которыми с Детского Сада и до десятого класса.

Где фотокружок и запах реактивов, и первые нечёткие фотографии, до сих пор хранящиеся в альбоме.

Где зимой каток под музыку и девочка, в которую безумно влюблён, катается на коньках, как Людмила Пахомова, а ты мечтаешь стать Александром Горшковым, чтобы хоть раз прокатиться с ней. Но этого никогда не случится.

Где пришиваешь вырезанный из картона 17 номер на связанный мамой свитер, чтобы «рвать Канадцев», как Валерка Харламов.

Где первый магнитофон в восьмом классе, купленный на честно заработанные тобой на летних каникулах деньги.

Где в угол ставят по большим «праздникам», за тройки, а потом ремнём выгоняют из него.

Где разбитые в кровь коленки и тихий матерок деда, прошедшего всю Войну и видевшего там такое, что с трудом вспоминалось и укладывалось в голове, но вернувшегося живым. Без пальцев на ногах, отстреленных пулеметом, но с медалью «За Отвагу»!

Где всё это?!

Осталось далеко за поворотом...

Однако, вот он здесь!.. Как говорил Остап Бендер: «Сбылась мечта идиота!..»

Толик устроился в середине салона старенького автобуса, купил билет и уставился в окно. Дорога была знакома. Он и в будущем, из которого сегодня выпал, ездил по ней каждый день. А тогда, в прошлом, куда он сейчас и попал, целых шесть лет ездил в Институт. И за это время, дорога короче не стала. Страна стала другой, а дорога, нет!

Конечно, кое-что, изменилось.

Например, гостиница «Сибирь», переименовалась в «Ибис Отель», исчезнувших вместе со страной, пионеров у Вечного Огня, сменил на боевом круглосуточном дежурстве киоск с шаурмой, появился подземный переход на пересечении улиц Фрунзе и Красный Путь, имени

и бюджета Первого Омского Метрополитена, да с одноимённой остановки исчез целый «Сиб-Завод»!

А так, всё как обычно, серенько и бедненько.

Под стать обстановке и все пассажиры автобуса выглядели серыми мышами и, на их фоне, яркая футболка и джинсы на упитанном теле Толика резко контрастировали с окружающей толпой. Неудивительно было, что и место рядом с ним пустовало, хотя автобус был забит до отказа. Всё-же какая-то бабища пролезла и плюхнулась на сиденье, припечатав Толика к окну.

Толик решил брать быка, то-бишь бабищу за рога:

– Простите великодушно... Меня сегодня из дурдома выпустили... не подскажите... который сейчас... год?..

Бабища уставилась на Толика, точно он говорил на тарабарском языке:

– Чаво?..

– Спасибо большущее!..

И вдруг, в кармане заиграла музыка и по салону покатился «Самый лучший день...», который, заходил вчера. Заработал сотовый телефон! Но этого просто не могло быть, сотовой связи ещё не изобрели!

Во всяком случае, не в СССР...

Толик сделал вид, что это он насвистывает мелодию, но бабищу было не обмануть, она навестила уши и стала ими водить, как локаторами. Звук шёл из Толика. А, конкретно, из штанов.

– Ты чаво-это тут устроил самодеятельность?.. Это тебе общественный транспорт... а не туалет... какой-нибудь...

Толик не знал, что делать? Достать сейчас сотовый, означало ответить на звонок, то-есть что-то сказать в трубу. Да он сам, ещё несколько лет назад, уже в эпоху раннего смартфонизма, принимал за сумасшедших, людей, общавшихся с помощью «БлюТуз»!

А что говорить про поздне-каменный социалистический век!.. На их месте, Толик так-жепоздительно прищурился-бы.

– Выключай шарманку... хиппи проклятый!.. – Бабища со всей силы толкнула Толика в бок. А ему стало очень интересно, кто-это мог звонить?.. Не обращая внимания на пассажиров, Толик встал, залез в карман, достал смартфон и, не глядя на номер, вкрадчиво спросил:

– Алло...

Но связь уже оборвалась.

Толик залез в «МЕНЮ» и нашёл номера последних вызовов.

Никакого входящего звонка не было!.. Последними были номера жены, которые он набирал на пустыре.

«Что-бы это могло значить?.. На розыгрыш не похоже... Игры разума?.. Воспалилось большое воображение?!..»

Вдруг Толик почувствовал, что не слышит пения птиц и вообще никаких звуков!.. В автобусе наступила зловещая тишина. Бабища в ужасе отступала от Толика, пробивая могучей спиной проход к двери.

Толик двинулся за ней.

Если-бы салон был бесконечно длинным, они так-бы и шли, пока не свалились с края Вселенной!.. Но этого не произошло, потому-что тётка завалилась на последнее сиденье. Там тоже, конечно сидели люди, но они приняли тело на безальтернативной основе, отступать им было некуда.

Толик прошёл по разом освободившемуся проходу и вышел в открытую перед ним дверь. Смартфон он всё-ещё держал в руке.

Дверь с грохотом захлопнулась и мир вновь наполнило привычное звучание. Толик остался один стоять между остановками, прямо под знаком «Остановка запрещена», а отъезжающий автобус накренился на одну сторону, так-как все пассажиры примкнули к окнам с правой стороны салона. В этом месте на заборе крупными буквами было покрашено: «Эстафета Олимпийского Огня Продолжается! Нет – Бойкоту Олимпиады! Партия ЛЕНИНА – наш Авангард!» «Но, вряд-ли пассажиров интересовал зобор...

Зато Толик понял, что это был 1980 год!

И, раз эстафета продолжается, значит Олимпиада ещё не началась. И Высоцкий ещё жив! Но, правда и война в Афганистане ещё не закончилась. А на Ставрополье, уже сеет и пашет жизнерадостный оптимист и перестройщик Михаил Сергеевич Горбачев.

Нужно было с этим что-то делать!..

У Толика созрел более-менее приемлимый план. Нужно срочно ехать в Москву! К Брежневу. Всё ему рассказать. Что прибыл из будущего. Ведь из будущего просто так не прибывают, только с какой-то миссией. Значи и Толик прибыл с миссией изменить будущее, не иначе! Больше ведь некому! Он последняя надежда россиян на светлое завтра!..

Проскользнула нелепая мысль, что изменив прошлое, он неминуемо изменит и свою жизнь в будущем, в которой любимая жена, красавица дочка, две работы, ипотека, камни в почках и давление 160/100, но мысль эта лишь слегка задела подкорку мозжечка и выскочила через левое ухо. О роли спасителя Отечества думать было гораздо приятнее!..

До себя-ли тут!

Россию надо спасать!..

Оставалось, правда, всего 15 копеек...

На 15 копеек до Москвы не добраться. Толик пожалел, что отдал пакет с провизией Зинке. Там еды было на три дня!.. Нет, после того, как Зинка съела куриную ногу, на два с половиной!

Придётся возвращаться, что есть плохая примета!

Толик шёл и размышлял: «Наплевать на приметы и вернуться... рискуя потерять время... или двинуться вперед... на Москву?..» Но никак не мог решиться на что-то. Так, в пылу полемики с самим собой, он прошагал несколько остановок, а, когда сообразил, куда его ноги ведут, сразу нашёл решение!

Ноги вели в сторону родительского дома!

«Сейчас мне 53 года... Если я в 1980... то отцу... рожденному в 1929 году... 51 год... Почти ровесники!..»

Про отца он знал всё... Или, почти всё. То-есть, самое необходимое. Где и когда родился, на ком женился, и где проживает и работает в настоящее время. При наличии отцовского паспорта, он смог-бы ответить на любые вопросы, возникнувшие при движении на Москву. А, так-как отец практически не носил его с собой, то и пропажу заметит не скоро. Скорее всего, когда пойдёт оформлять пенсию.

То-есть, через девять лет!

ГЛАВА 5. В которой Зинаида захочет попросить совета у мамы

Лучик солнца ласково коснулся правой ноздри. Носик несколько раз дёрнулся и чихнул.

Зина приоткрыла глаза и сладко потянулась.

Первая мысль, родившаяся в её голове утром 30 июня 2016 года была, естественно о любимом муже Толике: «Вот... гад... опять не задёрнул штору!..Почему-это я должна в свой законный выходной подрываться в такую рань!..Он... видите-ли... любит когда светло в квартире и... как дурачок... радуется этому солнцу... Ну и жил-бы там... на солнце!.. То-ли дело... приятный полумрак!.. – Зинка опять сладко потянулась: К тому-же... я вообще проснулась сама... Он должен был в девять позвонить и разбудить меня своим привычным дурацким: „Вставай... поднимайся рабочий народ!“ ...а... раз не позвонил... значит сейчас где-то без тридцати секунд девять... И проснулась я сама!..»

Зина повернула голову к электронным часам, стоящим на компьютерном столике и последние остатки сна сдуло ураганом негодования: «Какого чёрта!..» – На часах было без тридцати секунд одиннадцать!

«Это он специально!..Хочет... чтобы я проспала в парикмахерскую и ходила с этим гнездом на голове!..»

Гнездо, о котором подумала Зина, свилось у неё на голове в результате ночного зарывания головы в подушку и ни как напрямую не было связано с предстоящим походом к парикмахеру, назначившему ей на 12 часов. Толик, кстати был совсем не против этого похода и обещал разбудить её в девять, как только доберётся до работы.

«Назло пойду!..И налысо подстригусь!..Буду блеснуть... как... то самое солнышко!..Пусть радуется!..Только... сначала позвоню и перенесу на три часа...»

На три часа было занято и Зинка расстроилась ещё сильнее. Планы на выходной рушились под напором обстоятельств непреодолимой силы! На три, занято, а к 12 успеть можно, если-только она сейчас-же, как была в пижаме, так на метле и полетела-бы.

Зазвонил телефон.

«Ага... сейчас получит у меня!..И сейчас получит и когда придёт с работы... тоже получит!..И без сладкого останется!..Во всех смыслах!..Будет знать... как меня не разбудить в парикмахерскую!..» – Видимо всё это она попутно и в трубку говорила, так-как на другом конце молчали и вздыхали, а затем робко поинтересовались: «Не сможет-ли Зина прийти на стрижку к четырём?..»

– Толик... это что-ли не ты?..

– Это... из парикмахерской... Можем... на четыре... Если вас устроит... Конечно...

– На четыре... на четыре... – Зинка сперва засомневалась, но всё-же вспомнила, что четыре идёт после трёх, то-есть, времени на сборы ещё больше и, даже можно позвонить подругам не только после, но и до стрижки: Ну... конечно... конечно... устроит!.. – И добавила, обращаясь опять больше к Толику: Я приеду!!!

Когда ситуация с парикмахерской немного разрулилась, Зинка успокоилась и начала потихоньку подключать мозг.

«Почему-же он до сих пор не позвонил?..Это на него совсем не похоже!..Вот уж человек обязательный... до тошноты!..Если обещал разбудить в восемь... сам проспал... но ровно в восемь разбудит!.. Так он... поди... дома телефон опять забыл!..В сотый раз уже!..Ну... может... во второй... Ну и что?..Сечас... даже не вставая с постели... узнаю... забыл он дома телефон или нет... Если дома зазвонит... значит забыл... а... если не зазвонит... Тогда... Тогда... Тогда и видно будет!..»

Зинка нашла в телефонной книге первый номер Толика на «Билайновской» СИМ-ке. На экране появилась его упитанная физиономия в красной футболке. Нажала вызов и «ОК» Послышался хриплый голос Лепса: «Самый лучший день... заходил вчера...» – Зинка отнесла телефон от уха, проверяя, не в квартире-ли звучит? Звучало только в телефоне. Вдруг, музыка оборвалась, что-то запикало и механический женский голос сообщил, что данный номер не обнаружен.

«Что значит... не обнаружен?! Вот-же он!..» – Зина хотела показать изображение Толика кому-то, кто-бы смог увидеть, но оно вдруг начало таять и полностью испарилось. На чёрном экране было написано: «Пусто».

– Эй... эй..эй!..Куда?!..Опять заглянул... Давно пора поменять эту рухлядь... Позвоню с «Теле 2» – Зина снова вошла в «Контакты» и стала искать номер Толика на второй СИМ-карте, где он обозначался, как «Толик-любимый».

Ни «Толика», ни «любимого» не было во всём списке, сколько Зинка не гоняла его из начала в конец и обратно! Оба номера отсутствовали, как пролетариат при рабовладельческом строе.

«Бред... какой-то!..Куда он мог деться?..НЕУЖЕЛИ!!! – Внутри Зинки, маленьким комочком с горы, набирая обороты, превращаясь в лавину, покатилося чувство, которое Толик относил к их с мамой семейному – паника!: В лучшем случае... украли телефон... В худшем... самого Толика!..И... скорее всего... инопланетяне!.. – Причём, последний вариант представлялся наиболее вероятным, так как в случае кражи телефона, Толик просто позвонил-бы с рабочего: Просто... не мог не позвонить!..Обязан был позвонить!..Значит... что-то случилось с самим Толиком!..Позвоню маме!!!»

ГЛАВА 6. В которой человек впервые встречает великанского гнома

30 июня 1980 года Саня Непрухин падал на землю с высоты в три тысячи метров.

Саня проклинал судьбу, проклинал себя, за то, что повелся на «слабо», проклинал товарищей, поймавших Саню на «слабо», проклинал родителей, родивших Саню, проклинал самолёт, что не сломался перед стартом и взлетел в небо, проклинал даже парашют, который вовремя раскрылся и теперь не давал Сане возможности насладиться всей прелестью свободного падения.

А началось всё с того, что оболтусы прыгали в снег с крыши гаражей, а Саня возьми, да и ляпни, что мол: «Что это за высота... вот он запросто сиганёт без парашюта с третьего этажа!..»

Друзья ему не поверили и сказали что «Слабо... Санёк!..».

Снизу, с земли, окно третьего этажа казалось близко совсем, рукой подать. Что тут прыгать! Но, когда Саня залез на подоконник и глянул вниз, то сразу вспомнил, что не успел прополоть картошку. Ну и что, что зима! Озимую картошку не успел прополоть. И вообще, это всё ребячество и дурость прыгать без парашюта хоть с третьего, хоть с пятого этажа, а вот с парашютом Саня прыгнет хоть с неба!

Товарищи опять не поверили и опять сказали: «Слабо... Санёк!..» Вот так Саня Непрухин оказался в ДОСААФе в секции парашютного спорта.

Пока учились на земле, было не страшно и даже по приколу. Когда первый раз прыгали с двухсот метров, было уже не прикольно, а весело. Правда, смех был нервно-истерическим. Ещё присутствовало любопытство, раскроется парашют или придётся махать руками, как птица. Парашют раскрылся и Саня отделался лишь лёгким испугом и подмоченной в прямом смысле репутацией. После следующего прыжка, Саня отделался испугом средней степени тяжести, а после третьего, поклялся больше никогда не прыгать... Но...

Небо, как наркотик!..Как сэкс!..Как море!..Один раз нырнул и хочется заныривать снова и снова!

Саня Непрухин нарушил данную самому себе клятву и летел навстречу земле, проклиная всё на свете.

К тому-же, по непонятной причине, воздушный поток понёс его в сторону от основной группы, через Иртыш, мимо полей СибНИИСХоза, мимо телевизионной вышки, на край света, в Нефтянники. Пейзажи под ногами были просто сюрреалистичными, дым от десятков труб промзоны поднимался точно вверх и на какой-то высоте ломался ровно на девяносто градусов и шёл параллельно земле, показывая Сане, куда его должно отнести. И эти знания не внушали оптимизма, Саню несло на жилые дома!

«Или разобьюсь совсем или останусь инвалидом!..» – Решил он про себя, но на всякий случай и за стропы подёргал и «ужом» повертелся, и, закрыв глаза, расслабиться пытался.

Ничего не помогало!

И тогда Саня запел:

– Вот умру я... умру-у...

Похоронят меня-а...

И никто не узна-ает...

Где моги-илка моя-а!..

То-ли кто его услышал, то-ли ветер стих, но сносить на жилые дома его перестало и Саня стал падать вертикально вниз.

«Хорошо... что на пустырь!..» – Подумал Саня.

Плохо, что на дерево.

Пролетая сквозь крону со скоростью пикирующего мешка с картошкой, Саня исцарапал себе все руки и лицо и, всё-таки застрял в ветвях. Купол парашюта накрыл макушку, дерево затрещало, Саню тряхнуло с такой силой, что показалось, будто позвонки высыпались в комбинезон!

Он повис в двух метрах над землей. Попробовал раскачиваться, что-бы содрать купол с верхушки, но стропы перекручивались, ещё сильнее, запутываясь в ветвях.

«Не висеть-же мне тут... как памятник!..» – Саня расстегнул ремни и кубарем свалился на землю, вывихнув плечо и больно ударившись головой о корень.

– Да... что-б я ещё раз!.. Да... ни вжисть!.. Да... пусть эти дураки сами прыгают!!! – Повторил Саня несколько раз во всё своё пересохшее горло. Голова раскалывалась, рука опухла и не шевелилась, по лбу текла кровь.

Саня посмотрел на парашют: «Да... плевать!.. Пусть сами достают...» – И поплёлся в сторону дороги, где надеялся встретить людей.

До остановки Саня дотатился кое-как. Гиря, висевшая на плечах вместо головы, всё время клонила к земле. Хотелось опустить эту чугуныку на землю, сесть на неё и свесить ножки.

Он кое-как дотатил голову до остановки и, не глядя на номер, ввалился в первый-же подошедший автобус. Хотел ещё крикнуть: «Гони в травмопункт!..» – Но не смог пошевелить языком, не причинив голове боль. Всё-таки язык тоже находился в ней и они были каким-то образом связаны между собой.

Саня уселся следом за мужиком в футболке, надетой на левую сторону. Так-как у него кружилась голова, то он подумал, что это не футболка на левую сторону, а его голова наизнанку, и ничего мужику не сказав, прислонился к холодному стеклу и тут-же отключился.

Ему снился паравоз, несущийся по рельсам через бескрайние степи. Саня стоит на крыше и в одной руке у него уздечка, которой он управляет паровозом, а в друго, кнут, которым Саня периодически хлещет и пространство от этого искажается от боли и толкает паровоз вперёд.

Паровоз дымит и постепенно отрывается от земли и вместе с рельсами поднимается к небу. Облака машут крыльями, приветствуя Саню, одетого в золотую тогу, в золотую мантию, развевающуюся на ветру и в золотой короне из терновых листьев, впившихся в голову и шепчущих ему непонятные слова, глухими ударами, отдающимися в висках: «Самый лучший день... заходил вчера...»

Саня с трудом разлепил глаза.

Гигантских размеров мужик в футболке наизнанку, стоял перед ним, словно великан и громовым голосом вопрошал у сжатого у самого уха кулака: «А-Л-Л-О-О...»

«Великанский гном!!! – Почему-то подумал Саня: Нам конец!!!»

Людишки разбегались от великана в разные стороны, с ужасом взирая вверх и моля о пощаде.

Эта сцена напомнила Сане о последнем дне Пампеи и он тоже протянул руки в последней надежде ухватиться за соломинку. Великанский гном не обращая внимания на людишек, направился прочь. Тяжелые шаги глухим эхом отражались от каждой клеточки Санино тела, причиняя страдания. Земля тряслась и стонала, и многие не могли стоять и падали, давя друг друга.

Великанский гном вышел из пещеры и завалил дверь огромным камнем.

Воцарилась мёртвая тишина...

Вдруг, автобус тронулся, Саня долбанулся головой о стекло и туман в голове слегка прояснился.

Великанский гном на глазах стал уменьшаться и уменьшился до нормальных размеров и, стал вполне себе обычным мужиком, одиноко стоявшим между остановками и держащим непонятную белую штуковину в сжатом кулаке.

А ещё, Саня обнаружил, что давно-уже проехал травмопункт.

О том, что и его и парашют ищут, и уже сбились с ног, не найдя ни того, ни другого, он даже и не подумал.

ГЛАВА 7. В которой Толик за копейку отдаёт рубль и понимает, что нужен какой-то план

Толик втиснулся в толпу на остановке и стал поджидать свой автобус.

Автобусы ходили редко и их нужно было брать штурмом. Для этого желательно было пробиться в первые ряды. Но в первых рядах были такие-же испытанные очередями бойцы и они стояли плечом к плечу, как на баррикадах.

Толик нервничал.

Он уже отвык от классовой борьбы и боялся, что даже его девяноста с лишним килограммов не хватит при штурме автобуса и придётся висеть на подножке. А когда нервы у Толика обострились до предела, у него открывалась способность воспринимать окружающий мир не только через глаза и уши, но и через затылок. Толик затылком чувствовал, что кто-то наблюдает за ним из-за деревьев.

Этот Кто-то был невысокого роста, худощавый и с монтировкой.

В принципе, ничего необычного в том, что рабочий человек среди бела дня разгуливает с монтировкой, не было. Да, хоть с серпом и молотом!.. На то он и пролетарий. Подозрение как раз вызывал хорошо одетый человек с портфелем. Особенно, если он носил очки и умел выражаться без мата. Эти были самые подозрительные!..

Толик резко обернулся, насколько это было возможно в толпе, и их взгляды встретились.

Петрович-то, оказывается, следил за ним от самой Заозёрной!

«Вот привязался... как банный лист... Этот поедет и в Москву и в Гондурас... если решит следить до конца... Нет... сбросить его с хвоста необходимо где-то здесь!..» – Мимо медленно проезжало такси, зазывая желающих прокатиться и облегчить свои карманы от лишних денежных знаков. Толик махнул рукой и, на глазах у изумленной толпы, уселся на переднее сиденье рядом с водителем!

Поездка на такси обходилась недёшево и: «... наши люди в булочную на нём не ездили!..», но это был тот самый случай, когда главным был эффект неожиданности, как диарея.

Не побежит-же сантехник за машиной!

Или побежит?

Таксист включил счётчик и Толик сразу-же, ещё не проехав и метра, лишился 10 копеек. За посадку.

– Куда едем?..

– Давай... вперёд... По дороге объясню... – Таксист тронулся.

Толик обернулся. Петрович шёл следом за такси, набирая скорость вместе с ней. В глазах читалась мольба: «Не гнать так быстро!..» – и попытка запомнить номер таксомотора.

Когда отъехали на расстояние приблизительно где-то между двумястами и тремястами метров, Толик, внимательно следивший одним глазом за счётчиком, а другим, за исчезающим за горизонтом Петровичем, решительно повернулся к водителю, тряхнул головой, собирав в кучку разбегавшиеся в разные стороны глаза, и заговорил скороговоркой:

– У меня всего 15 копеек... Хочешь... высади меня здесь... я не обижусь... Хочешь... поехали на Кордный... У меня есть царские рубли... рассчитаюсь ими... Три царских рубля... за пять минут езды!..

Предложение было заманчивым, но и возни много, чтобы обменять их на «деревянные». К, тому-же был риск, загреметь за маленькие монетки на большой срок.

Водитель резко тормознул и, привыкший во всём полагаться на ремень безопасности, Толик, ввиду отсутствия последнего, прилип физиономией лица к лобовому стеклу, чуть не выйдя через него:

– Покази...

В кармане у Толика лежали несколько монет. Рубль, два, пять и две железные десяти. Разумеется, никакие не царские!

Вываливать всё он не стал, а нащупал две самые мелкие и худые, и протянул их водителю. Никогда раньше не видевший двухрублёвой царской монеты, он засомневался. Хотя, двуглавый орёл был на месте, что-то смущало. Возможно, год выпуска – 2015! Водитель повертел блестящие монеты в руках и, чем дольше он их вертел, тем туманнее становился взгляд. Отдавать явно не хотелось!

Сейчас скажет: «Моя прелесть!..» – Поймал себя на мысли Толик и выдернул монетки из цепких пальцев. Взгляд сразу-же прояснился.

– Нет... Какие-то они... подозрительные... Мелкие они... какие-то!.. Мне недавно серебрянный полтинник 1931 года предлагали... Вот он весил... так весил!.. Там серебра с килограмм... и то не взял... А тут...

– Ну... нет... так нет!.. – И Толик начал вылезать.

– Стой!.. Гони за езду шестнадцать копеек... По счётчику!..

Толик вывернул все карманы, но больше 15 копеек не было и быть не могло:

– Я тебя просил остановить... когда было пятнадцать копеек... Не буду платить лишнего!..

– Давай... пятнадцать копеек и... рубль царский!.. А то... милицию позову...

Спорить, привлекая внимание, не было никакого смысла. Толик отдал 15 копеек, швырнул на сиденье рубль, вышел, гордо хлопнув дверью и, стараясь не оглядываться, прибавил шагу.

Водитель несколько секунд, показавшихся ему вечностью, боролся с искушением, затем схватил рубль и стал вертеть его в руке, приговаривая: «Моя прелесть!.. Моя собственность!.. Мой рубличек!!!»

Толик шагал по Третьей транспортной улице и напевал: «А я... иду... шагаю по Москве... и я пройти ещё смогу...». Хочешь, не хочешь, смог-бы!

Деваться Толику было некуда, денег на проезд не осталось.

Но, и погода, и пустые карманы, и знакомые с пелёнок заборы, располагали к пению. Душа рвалась вверх вместе с трубами заводов «имени Баранова» и «Полёт», с двух сторон обнимавших улицу, в конце которой виднелся ещё и «Шинный Завод». Родные места!

Толик широко шагал, разинув рот и вдыхая ни с чем не сравнимые ароматы родины, больше всего похожие на протухшие куриные яйца.

Так мог пахнуть только продукт производства шинного завода.

Дорога как раз петляла между проходными этого завода и «Кордной фабрики», давая входящим в этот район, право выбора.

Проходные были двумя сущностями единого организма, ибо не могли существовать друг без друга. Вся продукция Кордной фабрики, до последнего метра корда, уходила на производство шин. Они были мужским и женским началами – Завод и Фабрика, как Рабочий и Колхозница, как Инь и Янь, как Ленин и ходоки, как Горбачёв и перестройка!

Толик шёл и ностальгировал по тем временам, в которые сейчас и угодил, где мог выбрать любую проходную, и «...Ту... заводскую...» и эту, фабричную, но пошёл тогда своим особым путём, в институт, чем родители очень гордились, ибо сами были «от сохи».

Они-то своей участи не миновали, отец, как мужчина, работал на заводе, мастером в строительном цехе, а мать, соответственно, через дорогу напротив, бухгалтером транспортного цеха.

Толик взглянул на часы, половина двенадцатого.

У мамы обед с 12 до 13 и она, за эти шестьдесят минут, всегда пробегала две остановки туда и обратно, но не просто пробегала, чтобы размять ноги, но и успевала накормить его

с братом и кота жирного впридачу, а, если оставалось капелька времени, ухватить что-нибудь и себе.

Так как Толик свой обед спонсировал своей будущей жене, отдав на сохранение, то он рассчитывал тоже попасть к обеденному столу, ибо организм начал расходовать Толиковы колодези, которые он так бережно наращивал все последние сытые годы. Страна пухла на нефтедолларах, Толик на Зинкиных фирменных котлетках «по-бурятски»! А, так-как по утрам в Толика влезала, да и то со скрипом, только чашечка-другая крепкого кофе, то и получалось, что он не ел уже со вчерашнего вечера.

Когда были употреблены с большим аппетитом: салатик из свежих огурчиков и помидорчиков с редисочкой в подсолнечном масле, тефтельки из духовки с картофельным пюре и подливчиком с фирменным Зинкиным соусом, куда она высыпала все имеющиеся в доме приправы и специи, штук двадцать, и от этого он становился особенно вкусным и пикантным. Были ещё бутербродики с кетой, собственного Зинкиного посола, нежнейшие и вкуснейшие, которые Толик запросто мог оприходовать штук пять-шесть за один присест, не смотря на протесты жены, что слишком быстро убывают.

В этот вечер, в связи с тем, что Толику предстоял трехдневный рабочий марафон, была откупорена бутылочка Российского Шампанского, купленного в «МЕТро» и распробованного с пол года назад. «Брют», разлитый в фужеры на высоких ножках, красиво и с удовольствием ложился на благодатную почву. И, уже когда переключались в зал, к большому телевизору, но, главное к большому дивану, были съедены по две груши и надкусано яблоко. На большее сил не хватило.

На бананы, ни Толик, ни Зинка, даже не взглянули.

Но теперь Толик хотел есть.

Ему вспомнились пельмени «Русские» в бумажной пачке килограммового развеса, обычно слипшиеся в один комковой пельмень. Перед варкой из этой кучи нужно было выломать несколько штук, поддающихся ломке, а остальной комок бросался в кипящую воду целиком и, по мере оттаивания и варки, от него отлеплялись куски теста и фарша, все по отдельности. И здесь главное было уловить тонкий момент, когда эта субстанция проварилась до такой степени, что её можно было употребить в пищу.

Недоваришь, будешь лопать сырое липкое тесто и холодный мясной фарш. Переваришь хоть на минуту, и получай кашу с мясом!

Но, если всё время ложкой и шумовкой контролировать процесс и все, более-менее целые, но уже сварившиеся пельмешки выловить вовремя, да приправить перчиком, да добавить томатного соуса или лечо домашнего приготовления, ну или сметанки по вкусу, то это получится вовсе не продукт под названием «Пельмени Русские» по ГОСТ такой-то, а – песня!.. Которая, как известно: «...и строить и жить помогает!..»

И Толик, абсолютно уверенный, что у мамочки обязательно припасена пачечка пельмешек в холодильнике, под радостную песню пустого желудка, двинулся к родному дому.

Идти оставалось недолго, всего две остановки и первую треть дистанции Толик буквально пролетел, насвистывая: «...То-ре-адор... смеле-ее-ее в бой... то-ре-адор... то-ре-адор!..», но, когда вдали показались очертания двух пятиэтажек-соседей, в одном из которых он провёл всю свою сознательную жизнь, до того момента, как выпорхнул из родительского гнезда, ноги стали притормаживать, как будто кто-то пристроился следом и мазал пятки Толика клеем и ему всё тяжелее и тяжелее стало передвигать ими, и каждый шаг отдавался в голове мучительным вопросом: «Как я взгляну им в глаза?.. Как объясню... кто я такой?.. Как смогу говорить и смеяться вместе с ними... если похоронил их обоих на Западном кладбище?.. Отца... в 1999 году... а мать... в 2012!.. Рядом друг с другом... как они и хотели!..»

Толик, хоть и не часто, но несколько раз в год приходил туда один, брал «чекушку» водки и тихо плакал, разговаривая с ними и прося прощения. Он мечтал, хоть на одну минуточку вернуться в прошлое и всего-лишь обнять их и сказать, как ему их не хватает!

И вот он в пяти минутах ходьбы от родного дома, но каждый шаг теперь давался с невероятным трудом.

Кто он такой ЗДЕСЬ?!

Язык не повернётся сказать: «Мама... папа... здарсьте!..»

Да он старше их, отца на два года, мать, на одиннадцать лет! Как объяснить, что из будущего к ним прибыло девяносто с лишним килограммов их драгоценного сокровища?! Как быть с таким богатством?! И что делать с реальным семнадцатилетним Толькой, только что закончившим десять классов и буквально два дня назад всю ночь гулявшим на выпускном вечере, а мама до сих пор не отошла от переживаний той бессонной ночи, когда её мальчик шагнул во взрослую жизнь.

Позавчера, значит шагнул во взрослую жизнь, а сегодня свалился обратно. Непонятно, кто и непонятно, откуда? Причём, более упитанный и сразу на шею, ни денег, ни прописки!

«Мама... папа... Ещё раз... здарсьте!!!»

Нужен был план.

ГЛАВА 8. В которой самураи летают с косами наперевес

30 июня 1980 года Какуко Нахераку проснулся рано, как обычно, затемно.

Едва начинало светать, он приходил в свой сад камней, садился в позу «лотоса», ложил руки на колени и бесконечно смотрел на Восток. Родившийся в Стране Восходящего Солнца, он мог часами наблюдать за рождением нового дня, от первых лучиков до состояния пылающего огнем дракона.

Вот и в то утро, Какуко, получив свою порцию ультрафиолетового облучения, как обычно сходил на работу, как обычно доработал до обеда и пришёл домой, как обычно съел свою рисовую кашу с лепёшкой и зелёным чаем и, как обычно засобиравшись в обратный путь. Но вспомнил, что сегодня обещал занести местному фельдшеру выкованную специально для него косу, взял её, сказал: «Однакося... пойду...» – Вышел во двор и, не сделав и пары шагов, уверенно провалился в колодец, совершенно непостижимым образом образовавшийся на дорожке от дома самурая. Какуко Нахераку, как был в деревянных сандалях на толстой подошве, в коричневом халате, напоминавшем кимоно и с косой в руках, так и ушёл под землю, успев правда, выматериться по-русски, пока летел.

Какуко Нахераку, потомственный самурай в девятом поколении, вот уже тридцать четыре года жил на чужбине, в этой непонятной варварской стране. Он командовал артиллерийским орудием в Квантунской армии во Вторую Мировую войну и сдерживал атаки русских в Манчжурии. Война подходила к концу, Япония проигрывала и лучшей участью для самурая в проигранной войне, было погибнуть в бою с мечом в руках.

Как воин клана Нахераку, Какуко всегда носил меч при себе. Катана – японский самурайский меч, знак чести, оружие истинного воина, передавался по наследству из поколения в поколение и Какуко был девятым, удостоившихся чести владеть им.

Последние секунды того боя Какуко наблюдал как кадры чёрно-белой, очень заторможенной кинохроники.

Снаряд летел прямо на орудие, летел так медленно, что Какуко успел понять, что шансов на спасение, никаких, успел расладить на себе форму, успел прочистить горло и скомандовать: «Ложись!..», успел достать меч из ножен, возможно успел-бы даже и побриться, но луч солнца предательски ослепил его и Какуко на мгновене потерялся в пространстве и во времени, поэтому-то и не до конца досмотрел, как взрывом гаубицу, врытую в землю, потому что командование не планировало отступать, подняло в воздух вместе с землей, поставило на дуло, скрутило чудовищной силой и отбросило на несколько метров, и не заметил гигантскую волну рыжей земли, словно цунами, накрывающую его с головой, словно пуховым одеялом.

Но не тут-то было! Какуко Нахераку даже не сильно-то и пострадал, его только кантузило. Земляной вал сыграл роль буфера, принявшего все осколки на себя и лишь присыпав его землицей китайской.

Очнулся он в лагерном лазарете для пленных японцев. Хотел тут-же сделать себе харакири, но меча под рукой не оказалось.

Это был позор!

Дни в лагере тянулись медленно, и, что-бы не умереть от скуки, как обычный смертный, Какуко пристроился в кузницу, заодно решив постичь секреты этого мастерства, с тем, чтобы однажды выковать себе новый меч, если не удастся вернуть фамильный, перебраться в Японию и сделать себе харакири, навсегда смыв пятно позора со своего честного имени.

В 1956 году японцев освободили из плена и депортировали на родину. Но некоторые остались и среди них был и Какуко. Помотавшись по лагерям и поселениям, он осел на ост-

рове Сахалин, в небольшом рабацком посёлке, пошёл работать в рыболовецкую артель-колхоз кузнецом.

С русскими отношения не сложились, ибо он их презирал и не понимал, как эти варвары, не просыхающие от пьянства, работающие не за деньги, а за какие-то мифические трудодни на непонятный абстрактный колхоз, запросто гноившие тонны улова на берегу, не уважающие ни старших, ни начальство, не верящие в Богов, и без их помощи сумевшие победить непобедимую армию Божественного Микадо?! Всё это не укладывалось в его упорядоченной тысячами головами.

Русские тоже его ненавидели. За порядок в доме, за чистую одежду, за то, что при встрече он всегда кланяется, за фантастический сад камней, который они постоянно разоряли из вредности, но он терпеливо восстанавливал, и каждый день, вне зависимости от времени года, погоды и самочувствия, проводил в своем саду, неподвижно сидя на корточках и глядя в одну, ему видимую точку.

Местные никогда не называли его по имени, а только «япошка» и Какуко смирился с этим и даже научился произносить на ломаном то-ли русском, то-ли нерусском, «Йяпоска». Постепенно Какуко научился понимать этот сложный язык и даже говорить на нём с ужасным акцентом.

Мирная жизнь брала своё. Выросло поколение, не видевшее войны, к япошке привыкли и перестали относиться как к экзотике и при встрече больше не тыкали пальцем. А он всё дольше и дольше сидел в своём саду, вспоминая крошечные чистенькие домики далёкой родины, цветущую сакуру и огромные глаза юной Мумико, которые она не смела поднять, чтобы взглянуть на красавца-офицера Императорских артиллерийских войск, и, лишь одна мысль согревала его сердце, что однажды он отыщет свой меч и вернется в Японию, чтобы совершить свой последний в жизни ритуал. Он ни о чём не пожалеет тогда! Но для этого необходимо было вернуть «катану»!

Устроившись работать кузнецом в колхоз-артель, Какуко, в свободное от основной работы время, переодевался в белое, без единого пятнышка кимоно, становясь катана-кадзи, кузнецом по изготовлению катан, и пытался выковать себе новое оружие. Это было не только трудное в плане производства и технологии занятие, иначе катаны ковали-бы на каждом углу, но на самом деле, мастерство изготовления настоящих боевых мечей передавались из поколения в поколение потомственными кадзи, от отца к сыну и умирало вместе с ними, если не было наследника-мальчика. Доверить производство катаны постороннему, было равносильно измене и каралось смертью. Поэтому, настоящие самурайские мечи были уникальным оружием, многослойные, но тонкие, лёгкие, но очень прочные, не уступавшие, а то и превосходившие по прочности Дамасскую сталь, очень острые и смертельно опасные. Некоторые мечи изготавливались десятилетиями и ценились очень дорого!

Какуко пытался выковать меч, но всё, чего он смог добиться, это сделать подобие гоблинских мечей из «Властелина колец» – огромных, тяжёлых, ужасных на вид. Таким оружием харакири сделать невозможно! Маленького хоббита загонять, и то проблематично, а уж о харакири и думать было нечего!

Был ещё один момент. Изготовление и хранение холодного оружия в СССР являлось уголовнонаказуемым преступлением и каралось строго, поэтому Какуко маскировал свою деятельность, под изготовление «литовок» для сенокоса.

Косы получались великолепными и шли на «Ура!».

ГЛАВА 9. В которой не только погоня, но и пространственно-временной парадокс

Петрович видел, как дядя Витя из Чебоксароов уселся на переднее сиденье и, словно полководец перед решающей битвой, махнул рукой вперед, показывая направление движения.

От осознания, что шпион уйдёт, Петровича охватил нервный зуд и он заметался по оставке, наступая всем на ноги и толкаясь. Стадо козлов не подняло-бы столько пыли, сколько один отчаявшийся сантехник. Денег на такси, чтобы устроить погоню, у него и в помине не было, а запомнить номер, мешали, во-первых, пустота в голове, которая давно-уже служила только для того, чтобы её чесали и ещё он ею ел, а во-вторых, слезы, катившиеся из мутных глаз.

Петрович выскочил на дорогу, но, так-как он не являлся автотранспортным средством, двигаться без номеров ему было запрещено и машины не уступали ему дорогу. Едва увернувшись от «Запорожца», он вернулся за бардюры, пытаясь из-за кустарника, росшего вдоль дороги, разглядеть, в какую сторону поехало «зеленоглазое». Когда надежда стала покидать и ноги хотели уже подломиться от горя, такси неожиданно остановилось метрах в трехстах от остановки.

Петрович сперва не поверил своим глазам, поэтому старался не моргать, чтобы не спугнуть удачу. Сделал пару шагов вперёд, машина не тронулась, на цыпочках пошёл в том-же направлении, прибавил шаг и пустился в галоп, петляя между кустами и деревьями и, из-за этого, периодически теряя тачку из вида.

Поэтому и не увидел, как Толик вылез из машины.

Водитель сидел, зажав рубль в кулаке и мечтательно пуская сладкие слюни. Новенькая монета жгла ладонь, но он не разжимал кулак, боясь её ослепительного блеска. Как он любил этот блеск! Это была любовь с первого взгляда. Любовь, с той самой минуты, когда впервые взял её в руки, то-есть пять минут назад.

Раньше он и не подозревал, что деньги умеют так очаровывать. Даже одно название, «Царский Рубль», приводило в трепет, ибо всё царское в Советской России было под запретом. Слышавший раньше о царских рублях и червонцах, он никогда доселе не видел их живьем. Но двуглавый орёл и надпись «Банк России», давали стопроцентную гарантию, что монета настоящая.

Вот про двухрублевую монету слышать не приходилось, но своим глазам он мог доверять, а значит, она существует!

«Эх!...Лось я почтовый!.. Нужно было не рубль просить... а... два!.. Никуда-бы не делся... отдал... Да... что-там... два... Все три рубля надо-было просить!.. Вот... я... тупень!.. Вот... дегенерат!!! Упустил такую прелесть... А куда он хотел ехать?.. На Кордный... Это-ж пять минут езды... Рвану-ка я туда... Подожду на въезде... Если повезёт... то и два рубля будут моими!.. Мои рублички!!! Мои прелести!!!» – В этот момент, задним зрением, он увидел какое-то движение за спиной и обернулся.

Из кустов на тачку нёсся огромный мужик с железным ломом, горящими глазами и пеной, брызжущей во все стороны изо рта! Вернее, это, даже не пена была, а адский огонь!

«За моим рублём пришёл... демон!..» – Сразу-же сообразила голова водителя. Но мужик он был опытный и тут-же врубил третью скорость: «Не отдам рубль!.. Мой он!!!»

Петрович уже почти добежал до машины, пытаясь, как сто бабуинов. «Только спрошу... куда делся пассажир и тут-же сдохну!..» – Решил он про себя.

Сдохнуть не удалось, так-как и спросить тоже не получилось. Машина рванула с пробуксовкой, набив Петровичу полный рот выхлопных газов, в перемешку с булыжниками и крошками асфальта из-под колёс.

– Па-а-ж-ди-те... Ш-той-те!.. ТО-ВА-РИ-ЩЦ!!! – С полным ртом кричать было не сподручно, поэтому слесарь-энтузиаст шпионажа махал ещё и руками, в одной из которых по прежнему находилась монтировка. Но такси только набирало ход.

Петрович опять сник, облокотился руками в колени, высморкался, вышибив из каждой ноздри по приличному куску руды, плюнул ядовитой от злости слюной и обругал весь мировой империализм бранными словами, а водителя такси наградил ещё и эпитетом «пособник!».

«Да... что-же это за невезение-то такое!.. Не шпион... а Фигара... какая-то!.. Везде успевает ушмыгнуть!.. Чем я так прогневал родной ЖЭК... что шпионы просто из-под носа уходят?.. И пособник... небось... не случайно тут проезжал?.. Явка у них тут... небось... была... как это по ихнему... небось... э-э... небось...» – Петрович даже и мысленно не смог подобрать нужное слово «рандеву», ибо и так уже думал слишком долго, а это подразумевало наличие хоть каких-то мозгов. Но, с другой стороны, чего нет, того и не отнимешь!.. Зато он был мужик упёртый. Отдышавшись, затрусил дальше, стараясь не упустить такси из вида.

Принявший Петровича за демона, водитель рванул со страху так, что машина метров пятьдесят ехала на задних колёсах, как взнузданный жеребец, вставший на дыбы, только-что не «ржала». А, когда железный конь встал на все четыре колеса, вздохнул с облегчением, увидев в зеркале заднего вида, что «демон» заметно уступает ему в скорости и, поэтому, отстаёт.

«Фу-у... пронесло!..» – Вытерая потный лоб потной ладонью, выдохнул таксист. В салоне, действительно чем-то таким припахивало, но не сильно.

Ещё метров через сто он успокоился и вспомнил о «Царском» рубле.

Рубля в кулаке не было!

Он резко нажал на тормоз и начал лихорадочно осматривать салон, переворачивая коврики и, чуть-ли не вспарывая ногтями обшивку дверей и сидений.

Петрович, увидев, что такси опять остановилось, бросил жаловаться самому себе на свою-же злодейку-судьбу, рванул с низкого старта.

Как известно. Усэйн Болт пробегает стометровку за 9 целых и 58 сотых секунды. Это, мировой рекорд.

Но, он – Болт!

А Петрович, как ушлый винт с резьбой, нарезал стометровку между кустами и деревьями, ровно за пять минут.

Ещё издали слесарь заметил, что машина пустая, хотя двигатель работает. Ни водителя в салоне, ни пассажира!

«Да... что-же это опять такое!.. Да они тут все что-ли заодно?!.. Тоже сбежал!.. Вот... гад-же-ш!..» – Петрович перешёл на шаг и этим совершил ошибку, потеряв время.

Водитель, не найдя рубля под ковриками, решил поискать в бардачке и поднял голову, а, когда поднял, опять увидел Петровича.

А Петрович, соответственно, увидел водителя и, сперва даже опешил, а потому, вообще остановился.

Оба глядели друг на друга на отрывая взгляда, всё сильнее прищуриваясь. В этот момент должна была-бы звучать музыка из мультика «Ранго», где главный герой – хамелеон и главный злодей – гремучник, стоят посреди городка и поедают друг друга глазами.

Первым не выдержал Петрович:

– Стой... Стой!.. Чё-то спросить хочу... – Заорал он и замахал конечностями, привлекая к себе внимание.

Водителю показалось, что мужик сейчас долбанёт монтировкой по заднему стеклу, к, тому-же, он орал что-то, типа: «Стой... чёрт... Замочу!!!» – И он опять рванул с третьей скорости.

Через сто метров был поворот на Третью Транспортную улицу, единственный путь на Кордный посёлок, и такси свернуло туда. Петрович этот манёвр тоже заметил и ломанулся напрямик через кусты, немного срезая себе путь. Когда он опять выскочил на главную дорогу, отплёвываясь от паутины, пауков и захваченных ими в плен насекомых, сбивая монтировкой с себя колючки репейника и отбиваясь от стаи голодных и злых дворняжек, такси было где-то в трёхстах метрах впереди и опять стояло на приколе.

Отъехав на достаточно большое расстояние, водитель принялся за поиски монеты. Одна мысль, что он может потерять её навсегда, сводила с ума. Он вытряхнул всё из бардачка и залез в него с головой.

В обычное время, голова не помещается ни в бардачок, ни в трехлитровую банку с огурцами! Но в экстренных ситуациях, как сейчас или с очень глубокого похмелья, когда без рас-сольчика, никак, голова оказывается способна залезть в ну очень труднодоступные места!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.